

Свет и тени

I

Худощавый, бледный мальчик лет двенадцати, Володя Ловлев, только что вернулся из гимназии и ждал обеда. Он стоял в гостиной у рояля и рассматривал последний номер «Нивы», который принесли с почты сегодня утром. Из газеты, которая лежала тут же, прикрывая один лист «Нивы», выпала маленькая книжечка, напечатанная на тонкой серой бумаге, — объявление иллюстрированного журнала. В этой книжечке издатель перечислял будущих сотрудников — полсотни известных литературных имен, — многословно хвалил журнал весь в целом и по отделам, весьма разнообразным, и давал образчики иллюстраций.

Володя начал рассеянно перелистывать серенькую книжку, рассматривая крохотные картинки. Его большие глаза на бледном лице глядели устало.

Одна страничка вдруг заинтересовала мальчика и заставила его широкие глаза раскрыться еще шире. Сверху вниз вдоль странички было напечатано шесть рисунков, изображавших сложенные разными способами руки, тени которых, отброшенные на белую стену, образовали темные силуэты: головку барышни в какой-то смешной рогатой шляпке, голову осла, быка, сидячую фигуру белки и еще что-то в этом же роде.

Володя, улыбаясь, углубился в рассматривание рисунков. Ему знакома была эта забава: он сам мог сложить пальцы одной руки так,

чтобы на стене появилась заячья головка. Но здесь было кое-что, чего Володя еще не видывал; и, — самое главное, — здесь все были фигуры довольно сложные, для двух рук.

Володе захотелось воспроизвести эти тени. Но теперь, при рассеянном свете догоравшего осеннего дня, конечно, ничего хорошего не выйдет.

Надо взять книжку к себе, сообразил он, — ведь она же не нужна.

В это время услышал он в соседней комнате приближающиеся шаги и голос матери. Покраснев отчего-то, он быстро сунул книжку в карман и отошел от рояля, навстречу своей маме. Она подходила к нему, ласково улыбаясь, такая похожая на него, с такими же широкими глазами на бледном, прекрасном лице.

Мама спросила, по обыкновению:

— Что у вас сегодня новенького?

— Да ничего нового, — хмуро сказал Володя.

Но ему сейчас же показалось, что он говорит с мамою грубо, и стало от этого стыдно. Он ласково улыбнулся и стал припоминать, что было в гимназии, — но при этом еще яснее почувствовал досаду.

— У нас Пружинин опять отличился, — начал он рассказывать об учителе, не любимом гимназистами за грубость. — Ему наш Леонтьев отвечал урок и напутал, а он и говорит ему: «Ну довольно, говорит, садитесь, — вались дерево на дерево!»

— А вы все сейчас и заметите, — сказала мама, улыбаясь.

— Вообще он ужасно грубый.

Володя помолчал немного, вздохнул и заговорил жалующимся голосом:

— И всё-то они торопятся.

— Кто? — спросила мама.

— Да учителя. Каждый хочет поскорее курс пройти да повторить хорошенько к экзаменам. Если о чем спросишь, так уж наверное подумают, что это гимназист зубы заговаривает, чтобы до звонка протянуть, чтоб не спросили.

— А вы после уроков разговаривайте.

— Ну да, — после уроков тоже торопятся, домой или в женскую гимназию на уроки. И всё так скоро — сейчас геометрия, а сейчас и греческий.

— Не зевай!

— Да, не зевай! Как белка в колесе. Право, это меня раздражает. Мама легонько усмехнулась.

II

После обеда Володя отправился в свою комнату готовить уроки. Мама заботится, чтобы Володе было удобно, — и здесь есть все, чему надлежит быть в такой комнате. Володе здесь никто не помешает, даже мама не приходит к нему в это время. Она придет попозже, помочь Володе, если это будет нужно.

Володя был мальчик прилежный и, как говорится, способный. Но сегодня ему трудно было заниматься. За какой бы урок он ни взялся, вспоминалось что-нибудь неприятное, — вспоминался учитель того предмета, его язвительная или грубая фраза, брошенная мимоходом и запавшая в глубину души впечатлительного мальчика. Случилось почему-то, что многие из последних уроков сошли неудачно: учителя являлись недовольные, и дело у них не клеилось. Дурное настроение их сообщалось Володе, и теперь веяло на него со страниц книг и тетрадей смутное беспокойство.

От одного урока он торопливо переходил к другому, к третьему, — и это мелькание маленьких дел, которые надо поскорее исполнить, чтобы не оказаться завтра «деревом на дереве» своей скамьи, бестолковое и ненужное мелькание раздражало его. Он начал даже зевать от скуки и досады и нетерпеливо болтать ногами, тревожно двигаясь на стуле.

Но он твердо знал, что все эти уроки надо непременно выучить, что это очень важно, что от этого зависит вся его судьба, — и он добросовестно делал скучное для него дело.

Володя сделал на тетрадке маленькое пятнышко и отложил перо. Вглядевшись внимательно, он решил, что можно стереть перочинным ножом. Он был рад развлечению. На столе ножа не было. Володя сунул руку в карман и порылся там. Среди всякого сора и хлама, по мальчишеской привычке напиханного в карманы, нащупал он ножик и потянул его, а с ним заодно и какую-то книжку.

Он еще не знал, что это за бумага в его руке, но, уже вытаскивая ее, вдруг вспомнил, что это книжка с тенями, — и внезапно обрадовался и оживился.

Так и есть, это — она, та самая книжка, о которой он уже и забыл, занявшись уроками.

Он проворно вскочил со стула, подвинул лампу поближе к стене, опасливо покосился на притворенную дверь, — не вошел бы кто-нибудь, — и, развернув книжку на знакомой странице, принялся внимательно разглядывать первый рисунок и складывать по этому рисунку пальцы. Тень выходила сначала нескладная, не такая, как надо, — Володя передвигал лампу и так и этак, сгибал и вытягивал пальцы, — и наконец получил на белых обоях своей комнаты женскую головку в рогатом уборе.

Володе стало весело. Он наклонял руки и слегка шевелил пальцами, — головка кланялась, улыбалась, делала смешные гримасы. Володя перешел ко второй фигуре, потом к следующим. Все они сначала не давались, но Володя кой-как справился с ними.

В таких занятиях провел он с полчаса и забыл об уроках, о гимназии, о всем в мире.

Вдруг за дверью послышались знакомые шаги. Володя вспыхнул, сунул книжку в карман, быстро подвинул лампу на место, причем едва не опрокинул ее, — и уселся, сгибаясь над тетрадкой. Вошла мама.

— Пойдем чай пить, Володенька, — сказала она.

Володя притворился, что смотрит на пятно и собирается открыть ножик. Мама нежно положила руки на его голову, — Володя бросил ножик и прижался к маме раскрасневшимся лицом. Очевидно, мама ничего не заметила, и Володя был рад этому. Но ему все-таки было стыдно, словно его поймали в глупой шалости.

III

На круглом столе посреди столовой самовар тихо напевал свою воркующую песенку. Висячая лампа разливала по белой скатерти и темным обоям дремотное настроение.

Мама задумалась о чем-то, наклоня над столом прекрасное, бледное лицо. Володя положил руку на стол и помешивал ложкою в стакане. Сладкие струйки пробегали в чае, тонкие пузырьки подымались на его поверхность. Серебряная ложка тихонько бренчала.

Кипяток, плеща, падал из крана в мамину чашку.

От ложечки на блюде и на скатерть бежала легкая, растворившаяся в чае тень. Володя всматривался в нее: среди теней, бросаемых сладкими струйками и легкими пузырьками воздуха, она напоминала что-то, — что именно, Володя не мог решить. Он наклонял и вертел ложечку, перебирал по ней пальцами, — ничего не выходило.

«А все-таки, — упрямо подумал он, — не из одних же пальцев можно складывать тени. Из всего можно, только надо приноровиться».

И Володя стал всматриваться в тени самовара, стульев, маминой головы, в тени, отбрасываемые на столе посудой, — и во всех этих тенях старался уловить сходство с чем-нибудь. Мама говорила что-то, — Володя слушал невнимательно.

— Как теперь Леша Ситников учится? — спросила мама.

Володя в это время рассматривал тень молочника. Он встрепенулся и торопливо ответил:

— На кота.

— Володя, ты совсем спишь, — с удивлением сказала мама. — Какой кот?

Володя покраснел.

— Не знаю, с чего мне пришло, — сказал он. — Извини, мамочка, я не расслышал.

IV

На другой вечер перед чаем Володя опять вспомнил о тенях и опять занялся ими. Одна тень у него все плохо выходила, как он ни вытягивал и ни сгибал пальцы.

Володя так увлекся, что не заметил, как подошла мама. Заслыша скрип отворяющейся двери, он сунул книжку в карман и смущенно

отвернулся от стены. Но мама уже смотрела на его руки, и боязливая тревога мелькнула в ее широких глазах.

— Что ты делаешь, Володя? Что ты спрятал?

— Нет, ничего, так, — бормотал Володя, краснея и неловко переминаясь.

Маме представилось почему-то, что Володя хотел курить и спрятал папиросу.

— Володя, покажи сейчас, что ты спрятал, — говорила она испуганным голосом.

— Право же, мама...

Мама взяла Володю за локоть.

— Что ж, мне самой к тебе в карман лезть?

Володя еще сильнее покраснел и вытащил из кармана книжку.

— Вот, — сказал он, протягивая ее маме.

— Что ж это?

— Ну вот, — объяснял Володя, — тут рисуночки есть, — вот видишь, тени. Ну, я и показывал их на стене, да у меня плохо выходило.

— Ну, что ж тут прятать! — сказала мама, успокоившись. — Какие ж это тени, покажи мне.

Володя застыдился, но послушно стал показывать маме тени.

— Вот это — голова лысого господина. А это — заячья голова.

— Ах ты! — сказала мама, — вот ты как уроки готовишь!

— Я, мама, немножко.

— То-то, немножко! Чего ж ты краснеешь, милый мой? Ну полно, ведь я знаю, ты все сделаешь, что надо.

Мама взъерошила Володины коротенькие волосы, Володя засмеялся и спрятал плавающее лицо под мамиными локтями.

Мама ушла, — а Володя все еще чувствовал неловкость и стыд. Мама застала его за таким занятием, над которым он сам посмеялся бы, если бы застал за ним товарища.

Володя знал, что он — мальчик умный, и считал себя серьезным, а ведь это все-таки — забава, годная разве только для девочек, когда они соберутся.

Он сунул книжку с тенями подальше в ящик своего стола и не вынимал ее оттуда больше недели, да и о тенях всю эту неделю мало вспоминал. Разве только иногда вечером, переходя от предмета к другому, улыбнется он, вспомнив рогатую головку барышни, — иногда даже сунется в ящик за книжкой, да вспомнит сейчас же, как мама застала его, застыдится, и скорее за дело.

V

Володя и его мама, Евгения Степановна, жили на окраине губернского города, в собственном мамином доме. Евгения Степановна вдовела уже девять лет. Теперь ей было тридцать пять лет, она была еще молода и прекрасна, и Володя любил ее нежно. Она вся жила для сына, училась для него древним языкам и болела всеми его школьными тревогами. Тихая, ласковая, она несколько боязливо смотрела на мир широкими глазами, кротко мерцавшими на бледном лице.

Они жили с одною прислугой. Прасковья, угрюмая вдова, мещанка, была баба сильная, крепкая; ей было лет сорок пять, но по строгой молчаливости своей она была похожа на столетнюю старуху.

Когда Володя смотрел на ее мрачное, словно каменное лицо, ему часто хотелось узнать, что думает она длинными зимними вечерами на своей кухне, когда холодные спицы, позванивая, мирно шевелятся в ее костлявых руках и сухие губы ведут беззвучный счет. Вспоминает ли она пьяницу мужа? Или рано умерших детей? Или мерещится ей одинокая и бесприютная старость?

Безнадежно уныло и строго ее окаменелое лицо.

VI

Долгий осенний вечер. За стеною и дождь и ветер.
Как надоедливо, как равнодушно горит лампа!

Володя оперся на локоть, весь наклоняясь над столом на левый бок, и смотрел на белую стену комнаты, на белую штору окна.

Не видны бледные цветы на обоях... Скучный белый цвет...

Белый абажур задерживает отчасти лучи лампы. Вся верхняя половина комнаты в полусвете.

Володя протянул вверх правую руку. По затененной абажуром стене потянулась длинная тень, слабо очерченная, смутная...

Тень ангела, улетающего в небеса от порочного и скорбного мира, прозрачная тень с широкими крыльями, с головою, грустно склоненною на высокую грудь.

Не уносится ли из мира нежными руками ангела что-то значительное и пренебреженное?..

Володя тяжело перевел дыхание. Рука его лениво опустилась. Он склонил скучающие глаза на свои книги.

Долгий осенний вечер... Скучный белый цвет... За стеною плачет и лепечет...

VII

Мама второй раз застала Володю за теньями. На этот раз бычачья голова очень удалась ему, и он любовался ею и заставлял быка вытягивать шею и мычать.

Но мама была недовольна.

— Вот как ты занимаешься! — укоризненно сказала она.

— Я ведь немножко, мама, — застенчиво прошептал Володя.

— Можно бы этим и в свободное время заняться, — продолжала мама. — Ведь ты не маленький, — как тебе не стыдно тратить время на такие пустяки!

— Мамочка, я больше не буду.

Но Володе трудно было исполнить обещание. Ему очень понравилось делать тени, и желание заняться этим частенько стало приходить ему среди какого-нибудь неинтересного урока.

Эта шалость иной вечер отнимала у него много времени и мешала хорошенько приготовить уроки. Приходилось наверстывать потом и недосыпать. А как бросить забаву?

Володе удалось изобрести несколько новых фигур, и не только при помощи пальцев. И эти фигуры жили на стене и, казалось иногда Володе, вели с ним занятные беседы.

Впрочем, он и раньше был большой мечтатель.

VIII

Ночь. В Володиной комнате темно. Володя улегся в свою постель, но ему не спится. Он лежит на спине и смотрит на потолок.

По улице идет кто-то с фонарем. Вот по потолку пробегает его тень среди красных световых пятен от фонаря. Видно, что фонарь качается в руках прохожего, — тень колышется неровно и трепетно.

Володе становится почему-то жутко и страшно. Он быстро натягивает одеяло на голову и, весь содрогаясь от торопливости, ложится поскорее на правый бок и принимается мечтать.

Ему становится тепло и нежно. В голове его складываются милые, наивные мечты, те мечты, которые посещают его перед сном.

Часто, когда он ляжет спать, ему делается вдруг страшно, он словно становится меньше и слабее, — и прячется в подушки, забывает мальчишеские ухватки, делается нежным, ласковым, и ему хочется обнять и зацеловать маму.

IX

Стушались серые сумерки. Тени сливались. Володе было грустно. Но вот и лампа. Свет пролился на зеленое сукно стола, по стене прошмыгнули неопределенные милые тени.

Володя почувствовал прилив радости и одушевления и заторопился вынуть серенькую книжку.

Бык мычит... Барышня звонко хохочет... Какие злые, круглые глаза делает этот лысый господин!

Теперь свое.

Степь. Странник с котомкою. Кажется, слышна печальная, тягучая дорожная песня... Володе радостно и грустно.

Х

— Володя, я уж третий раз вижу у тебя эту книжку. Что ж, ты целыми вечерами на свои пальцы любишь?

Володя неловко стоял у стола, как пойманный шалун, и вертел книжку в горячих пальцах.

— Дай мне ее сюда! — сказала мама.

Володя сконфуженно протянул ей книжку. Мама взяла ее и молча ушла, — а Володя уселся за тетрадки.

Ему было стыдно, что он своим упрямством огорчил маму, и досадно, что она отняла от него книжку, и еще стыдно, что он довел себя до этого. Он чувствовал себя очень неловко, и досада на маму терзала его: ему совестно было сердиться на маму, но он не мог не сердиться. И оттого, что сердиться было совестно, он еще более сердился.

«Ну, пусть отняла, — подумал он наконец, — а я и так обойдусь».

И в самом деле, Володя уже знал фигуры на память и пользовался книжкою только так, для верности.

ХІ

Мама принесла к себе книжку с рисунками теней, раскрыла их — и задумалась.

«Что же в них заманчивого? — думала она. — Ведь он — умный, хороший мальчик, — и вдруг увлекается такими пустяками!»

«Нет, уж это, значит, не пустяки!..»

«Что же, что тут?» — настойчиво спрашивала она себя.

Странная боязнь зарождалась в ней, — какое-то неприязненное, робкое чувство к этим черным рисункам.

Она встала и зажгла свечу. С серенькою книжкою в руках подошла она к стене и приостановилась в боязливой тоске.

«Да надо же наконец узнать, в чем здесь дело», — решила она — и принялась делать тени, от первой до последней.

Она настойчиво, внимательно складывала пальцы и сгибала руки, пока не получала той фигуры, какая была ей нужна. Смутное, боязли-

вое чувство шевелилось в ней. Она старалась его преодолеть. Но боязнь росла и чаровала ее. Руки ее дрожали, а мысль, запуганная сумерками жизни, бежала навстречу грозящим печалям.

Вдруг услышала она шаги сына. Она вздрогнула, спрятала книжку и погасила свечу.

Володя вошел и остановился у порога, смущенный тем, что мама строго смотрит на него и стоит у стены в неловком, странном положении.

— Что тебе? — спросила мама суровым, неровным голосом.

Смутная догадка пробежала в Володиной голове, но Володя потопился ее отогнать и заговорил с мамой.

XII

Володя ушел.

Мама прошла несколько раз по комнате. Она заметила, что за нею на полу движется ее тень, и — странное дело! — первый раз в жизни ей сделалось неловко от этой тени. Мысль о том, что есть тень, беспрестанно приходила ей в голову, — но Евгения Степановна почему-то боялась этой мысли и даже старалась не глядеть на тень.

А тень ползла за нею и дразнила ее. Евгения Степановна пыталась думать о другом, — напрасно.

Она внезапно остановилась, бледная, взволнованная.

— Ну тень, тень! — воскликнула она вслух, со странным раздражением топая ногами, — ну что же из того? что же?

И вдруг сразу сообразила, что глупо так кричать и топтать ногами, и притихла.

Она подошла к зеркалу. Ее лицо было бледнее обыкновенного, и губы ее дрожали испуганною злобою.

«Нервы, — подумала она, — надо взять себя в руки».

XIII

Ложились сумерки. Володя размечтался.

— Пойдем погуляем, Володя, — сказала мама.

Но и на улице были повсюду тени, вечерние, таинственные, неуловимые, — и они шептали Володе что-то родное и бесконечно печальное.

В туманном небе проглянули две-три звезды, такие далекие и чужие и Володе, и обступившим его теньям. Но Володя, чтоб сделать приятное маме, стал думать об этих звездах: только они одни были чужды теньям.

— Мама, — сказал он, не замечая, что перебил маму, которая говорила ему о чем-то, — как жаль, что нельзя добраться вот до этих звезд.

Мама взглянула на небо и ответила:

— Да и не надо. Только на земле нам и хорошо, там — другое.

— А как они слабо светят! Впрочем, тем и лучше.

— Почему?

— Ведь если бы они посильнее светили, так и от них побежали бы тени.

— Ах, Володя, зачем ты все только о тенях и думаешь?

— Я, мама, нечаянно, — сказал Володя раскаивающимся голосом.

XIV

Володя все еще старался готовить уроки получше, — он боялся огорчить маму ленью. Но всю силу своей фантазии он употреблял на то, чтобы вечером уставить на своем столе грудку предметов, которая отбросила бы новую, причудливую тень. Он раскладывал так и этак все, что было у него под руками, и радовался, когда на белой стене появлялись очертания, которые можно было осмыслить. Эти теневые очертания становились близки ему и дороги. Они не были немые, они говорили, — и Володя понимал их лепечущий язык.

Он понимал, на что ропщет этот унылый пешеход, бредущий по большой дороге в осеннюю слякоть, с клюкою в дрожащих руках, с котомкою на понурой спине.

Он понимал, на что жалуется морозным треском сучьев занесенный снегом лес, тоскующий в зимнем затишьи, и про что каркает медленный ворон на поседелом дубе, и о чем грустит суетливая белка над опустелым дуплом.

Он понимал, о чем на тоскливом осеннем ветре плачут нищие старухи, дряхлые, бесприютные, которые в ветхих лохмотьях дрожат на тесном кладбище, среди шатких крестов и безнадежно черных могил.

Самозабвение и томительная грусть!

XV

Мама замечала, что Володя продолжает шалить. За обедом она сказала:

— Хоть бы ты, Володя, другим чем заинтересовался.

— Да чем?

— Почитал бы.

— Да, начнешь читать, а самого так и тянет делать тени.

— Забаву бы придумал другую, — хоть мыльные пузыри.

Володя грустно улыбнулся.

— Да, пузыри полетят, а за ними тени по стене.

— Володя, ведь ты этак вконец расстроишь себе нервы. Ведь я вижу, — ты даже похудел из-за этого.

— Мама, ты преувеличиваешь!

— Пожалуйста!.. Ведь я знаю, — ты по ночам стал плохо спать и бредишь иногда. Ну, представь, если ты захвораешь!

— Вот еще!

— Не дай Бог, сойдешь с ума или умрешь, — какое мне горе будет!

Володя засмеялся и кинулся на шею к маме.

— Мамочка, я не умру. Я больше не буду.

Мама заметила, что Володя уже плачет.

— Ну, полно, — сказала она, — Бог милостив. Вот видишь, какой ты стал нервный, — и смеешься, и плачешь.

XVI

Мама пристально, боязливо всматривалась в Володю. Всякие мелочи теперь волновали ее.

Она заметила, что Володина голова слегка несимметрична: одно ухо было выше другого, подбородок немного отклонен в сторону. Мама смотрела в зеркало и замечала, что Володя и в этом похож на нее.

«Может быть, — думала она, — это — один из признаков дурной наследственности, вырождения? И в ком тогда корень зла? Я ли — такая неуравновешенная? Или отец?»

Евгения Степановна вспомнила покойного мужа. Это был добрейший и милейший человек, слабовольный, с бессмысленными порываниями куда-то, то восторженно, то мистически настроенный, грезивший о лучшем общественном устройстве, ходивший в народ, — и пивший запоем в последние годы жизни.

Он был молод, когда умер, — ему было тогда всего тридцать пять лет.

Мама даже свела Володю к врачу и описала его болезнь. Врач, жизнерадостный молодой человек, выслушал ее, посмеиваясь, дал кой-какие советы относительно диеты и образа жизни, сопровождая их шутивными прибаутками, весело настроил «рецептик микстурки» и игриво прибавил, похлопывая Володю по спине:

— А самое лучшее лекарство — посечь бы.

Мама жестоко обиделась за Володю, но все остальные предписания выполнила в точности.

XVII

Володя сидел в классе. Ему было скучно. Он слушал невнимательно.

Он поднял глаза. На потолке к передней стене класса двигалась тень. Володя заметил, что она падает из первого окна. Сначала она легла от окна к середине класса, а потом быстро прошмыгнула от Володи вперед, — очевидно, на улице под окном шел кто-то. Когда еще эта тень двигалась, от второго окна упала другая тень, тоже сначала к задней стене, потом начала быстро поворачиваться к передней. То же повторилось в третьем и четвертом окне, — тени падали в класс, на потолок, и по мере того, как прохожий подвигался вперед, они тянулись назад.

«Да, — подумал Володя, — это не так, как в открытом месте, где тень тянется за человеком; здесь, когда человек идет вперед, тень скользит назад, и другие тени уже опять встречают его впереди».

Володя перевел глаза на сухую фигуру учителя. Холодное, желтое лицо учителя раздражает Володю. Володя ищет его тень и находит ее на стене, за учительским стулом. Тень уродливо перегибается и колыхается, — но у нее нет желтого лица и язвительной усмешки, и Володе приятно смотреть на нее. Мысли его убегают куда-то далеко, — и он уже совсем ничего не слышит.

— Ловлев! — называет его учитель.

Володя по привычке подымается и стоит, тупо глядя на учителя. У него такой нездешний вид, что товарищи смеются, а учитель делает укоризненное лицо.

Потом Володя слышит, что учитель издевается над ним вежливо и зло. Володя дрожит от обиды и от бессилия. Потом учитель объявляет ему, что ставит ему единицу за незнание и невнимательность, и приглашает его садиться.

Володя глупо улыбается и принимается соображать, что с ним случилось.

XVIII

Единица, первая в Володиной жизни!

Как это было странно для Володи!

— Ловлев! — дразнят его товарищи, смеясь и толкаясь. — схватил кол! С праздником!

Володе неловко. Он еще не знает, как следует вести себя в таких случаях.

— Ну схватил, — досадливо говорит он, — тебе-то что за дело!

— Ловлев! — кричит ему ленивый Снегирев. — Нашего полку прибыло!

Первая единица! И ее надо было показать маме. Это было стыдно и унижительно. Володя чувствовал на своей спине в ранце странную

тяжесть и неловкость, — этот «кол» пренеудобно торчал в его сознании и никак не вязался ни с чем в его уме.

Единица!

Он не мог привыкнуть к мысли об единице и не мог думать ни о чем другом. Когда городской близ гимназии посмотрел на него, по обычаю своему, строго, Володя почему-то подумал: «А вот если бы ты знал, что у меня единица!»

Это было совсем неловко и непривычно, — Володя не знал, как ему держать голову и куда девать руки, — во всем теле была неловкость.

И еще надо было принимать перед товарищами беззаботный вид и говорить о другом!

Товарищи! Володя был уверен, что все они ужасно рады его единице.

XIX

Мама посмотрела на единицу, перевела непонимающие глаза на Володю, опять взглянула на отметку и тихо воскликнула:

— Володя!

Володя стоял перед нею и уничтожался. Он смотрел на складки маминого платья, на мамины бледные руки и чувствовал на своих трепетных веках ее испуганные взгляды.

— Что это? — спросила мама.

— Ну что ж, мама, — вдруг заговорил Володя, — ведь это ж первая!

— Первая!

— Ну, ведь это со всяким может быть. И, право, это нечаянно.

— Ах, Володя, Володя!

Володя заплакал, по-ребячьи размазывая слезы ладонью по щекам.

— Мамочка, не сердись, — зашептал он.

— Вот твои тени! — сказала мама.

В ее голосе Володе послышались слезы. Сердце его сжалось. Он взглянул на маму. Она плакала. Он бросился к ней.

— Мама, мама, — повторял он, целуя ее руки, — я брошу, право, брошу всякие тени.

XX

Володя сделал громадное усилие воли — и не занимался тенями, как его ни тянуло к ним. Он старался наверстать пропущенное из уроков.

Но тени настойчиво мерещились ему. Пусть он не вызывал их, складывая пальцы, пусть он не громоздил предмет на предмет, чтоб они отбросили тень на стене, — тени сами обступали его, назойливые, неотвязные.

Володе уже незанимательны стали предметы, он их почти и не видел, — все его внимание уходило на их тени.

Когда он шел домой и солнце, бывало, проглянет из осенних туч, хоть в дымчатой ризке, — он радовался, что повсюду побежали тени.

Тени от лампы стояли около него, когда он вечером был дома.

Тени везде вокруг, — резкие тени от огней, смутные от рассеянного дневного света, — все они теснились к Володе, скрещивались, обволакивали его неразрывною сетью.

Некоторые из них были непонятны, загадочны, другие напоминали что-то, на что-то намекали, — но были и милые тени, близкие, знакомые, — вот их-то и сам Володя, хотя и мимовольно, искал и ловил повсюду в беспорядочном мелькании чуждых теней.

Но грустны были эти милые и знакомые тени. Когда же замечал Володя, что сам он ищет этих теней, он терзался совестью и шел каяться к маме.

Случилось однажды, что Володя не одолел соблазна, пристроился к стенке и начал показывать себе бычка. Мама застала его.

— Опять! — сердито воскликнула она. — Нет, я наконец попрошу директора, чтоб тебя сажали в карцер.

Володя досадливо покраснел и угрюмо ответил:

— И там есть стена. Везде стена.

— Володя! — горестно воскликнула мама, — что ты говоришь!

Но Володя уже кается в своей грубости и плачет.

— Мама, я сам не знаю, что со мною делается.

XXI

А мама все не может одолеть своего суеверного страха теней. Ей все чаще думается, что она, как Володя, погрузится в созерцание теней, но она старается утешить себя.

— Какие глупые мысли! — говорит она себе. — Все обойдется, даст Бог, благополучно: нашалится и перестанет.

А сердце замирает от тайного ужаса, и настойчиво забегает ее мысль, пугливая перед жизнью, навстречу будущим печалям.

В тоскливые минуты утра она поверяет свою душу, вспоминает свою жизнь — и видит ее пустоту, ненужность, бесцельность. Одно только бессмысленное мелькание теней, сливающихся в густеющих сумерках.

«Зачем я жила? — спрашивает она себя. — Для сына? Но для чего? Чтобы и он стал добычею теней, маньяком с узким горизонтом, — прикованный к иллюзиям, к бессмысленным отражениям на безжизненной стене?

И он тоже войдет в жизнь и даст жизнь ряду существований, призрачных и ненужных, как сон».

Она садится в кресло у окна и думает, думает.

Мысли горькие, тягучие.

Она заламывает в тоске прекрасные, белые руки. Мысли ее разбегаются. Она смотрит на свои заломленные руки и начинает сообщать, какие из этого могли бы выйти фигуры на тени. Она ловит себя на этом и в испуге вскакивает.

— Боже мой! — восклицает она, — да ведь это — безумие!

XXII

За обедом мама смотрит на Володю.

«Он побледнел и похудел с тех пор, как ему попалась эта несчастная книжка. И весь он переменялся, — характером, и всем. Говорят, характер перед смертью меняется. Что, если он умрет?

Ах, нет, нет, не дай Господи!»

Ложка задрожала в ее руке. Она подняла к образу боязливые глаза.

— Володя, да отчего ж ты не доел супа? — испуганно спрашивает она.

— Не хочется, мама.

— Володя, не капризничай, голубчик, — ведь это же вредно — не есть супу.

Володя лениво улыбается и медленно кончает суп. Мама налила ему слишком полную тарелку. Он откидывается на спинку стула и хочет сказать с досады, что суп был невкусен. Но у мамы такое обеспокоенное лицо, что Володя не смеет говорить об этом и бледно улыбается.

— Теперь я сыт, — говорит он.

— Ах, нет, Володя, сегодня все твое любимое.

Володя печально вздыхает: он уже знает, что если мама говорит о его любимых блюдах, то это значит: будет его пичкать. Он догадывается, что и за чаем мама заставит его, как и вчера, есть мясо.

XXIII

Вечером мама говорит Володе:

— Володя, милый мой, ты опять увлечешься, — уж лучше ты не затворяй дверей!

Володя принимается за уроки. Но ему досадно, что за его спиною открытая дверь и что мама иногда проходит мимо этой двери.

— Я так не могу, — кричит он, шумно отодвигая стул, — я не могу ничем заняться, когда дверь настежь.

— Володя, зачем же ты кричишь? — ласково укоряет мама.

Володя уже раскаивается и плачет. Мама ласкает его и уговаривает:

— Ведь я, Володенька, о тебе забочусь, чтобы помочь тебе справиться с твоим увлечением.

— Мама, посиди здесь, — просит Володя.

Мама берет книгу и садится у Володина стола. Несколько минут Володя работает спокойно. Но фигура мамы начинает понемногу раздражать его. «Точно над больным!» — злобно думает он. Его мысли перебиваются, он досадливо двигается и кусает губы. Мама наконец замечает это и уходит из комнаты.

Но Володя не чувствует облегчения. Он терзается раскаянием, что показал свое нетерпение. Он пробует заниматься — и не может. Наконец он идет за мамой.

— Мама, зачем же ты ушла? — робко спрашивает он.

XXIV

Ночь под праздник. Перед образами теплятся лампы.

Поздно и тихо. Мама не спит. В таинственном сумраке спальни она стоит на коленях, молится и плачет, всхлипывая по-детски.

Ее косы бегут на белое платье; плечи ее вздрагивают. Умоляющим движением подымает она руки к груди и заплаканными глазами смотрит на икону. Лампада на цепях еле заметно зыблется от ее горячего дыхания. Тени колышутся, толпятся в углах, шевелятся за киотом и лепечут что-то тайное. Безданная тоска в их лепете, неизъяснимая грусть в их медленно-зыбких колыханиях.

Мать встает, бледная, с широкими, странными глазами и колеблется на ослабевших ногах. Тихо идет она к Володе. Тени обступают ее, мягко шуршат за ее спиной, ползут у ее ног, падают, легкие, как паутина, к ней на плечи и, заглядывая в ее широкие глаза, лепечут непонятное.

Она осторожно подходит к кровати сына. В лучах лампы лицо его бледно. На нем лежат резкие, странные тени. Не слышно дыхания, — он спит так тихо, что маме страшно.

Она стоит, окруженная смутными тенями, обвеянная смутными страхами.

XXV

Высокие церковные своды темны и таинственны. Вечерние песни подымаются к этим сводам и звучат там торжественною грустью. Таинственно, строго смотрят темные образа, озаренные желтыми огоньками восковых свечей. Теплое дыхание воска и ладана наполняет воздух величавую печалью.

Евгения Степановна поставила свечу перед иконою Богоматери и стала на колени. Но молитва ее рассеянна. Она смотрит на свою свечу. Огонь ее зыблется. Тени от свеч падают на черное платье Евгении Степановны и на пол и отрицательно колышутся.

Тени реют по стенам церкви и утопают вверху, в этих темных сводах, где звучат торжественные, печальные песни.

XXVI

Другая ночь.

Володя проснулся. Темнота обступила его и беззвучно шевелится.

Володя высвободил руки, поднял их и шевелит ими, устремляя на них глаза. В темноте он не видит своих рук, но ему кажется, что темные тени шевелятся перед его глазами...

Черные, таинственные, несущие в себе скорбь и лепет одинокой тоски...

А маме тоже не спится, — тоска томит ее.

Мама зажигает свечу и тихонько идет в комнату сына, взглянуть, как он спит.

Неслышно приотворила она дверь и робко глянула на Володину кровать.

Луч желтого света дрогнул на стене, пересекая Володино красное одеяло. Мальчик тянется руками к свету и с бьющимся сердцем следит за теньями. У него даже нет вопроса: откуда свет?

Он весь поглощен теньями. Глаза его, прикованные к стене, полны стремительного безумия.

Полоса света ширится, тени бегут, угрюмые, сторбленные, как бесприютные путницы, торопящиеся донести куда-то ветхий скарб, который бременит их плечи.

Мама подошла к кровати, дрожа от ужаса, и тихо окликнула сына:
— Володя!

Володя очнулся. С полминуты глядел он на маму широкими глазами, потом весь затрепетал, соскочил с постели и упал к маминым ногам, обнимая ее колени и рыдая.

— Какие сны тебе снятся, Володя! — горестно воскликнула мама.

XXVII

— Володя, — сказала мама за утренним чаем, — так нельзя, голубчик; ты совсем изведешься, если и по ночам будешь ловить тени.

Бледный мальчик грустно опустил голову. Губы его нервно вздрагивали.

— Знаешь, что мы сделаем? — продолжала мама. — Мы лучше каждый вечер вместе понемножку поиграем тенями, а потом и за уроки присядем. Хорошо?

Володя слегка оживился.

— Mamочка, ты — милая! — застенчиво сказал он.

XXVIII

На улице Володя чувствовал себя сонно и пугливо. Расстилался туман, было холодно, грустно. Очерки домов в тумане были странны. Угрюмые фигуры людей двигались под туманною дымкою, как зловещие неприветливые тени. Все было громадно необычайно. Лошадь извозчика, который дремал на перекрестке, казалась из тумана огромным, невиданным зверем.

Городовой посмотрел на Володю враждебно. Ворона на низкой крыше пророчила Володе печаль. Но печаль была уже в его сердце, — ему грустно было видеть, как все враждебно ему.

Собачонка с облезлою шерстью затыкала на него из подворотни, — и Володя почувствовал странную обиду.

И уличные мальчишки, казалось, хотели обидеть и осмеять Володю. В былое время он бы лихо расправился с ними, а теперь боязнь теснилась в его груди и оттягивала вниз обессилевшие руки.

Когда Володя вернулся домой, Прасковья отворила ему дверь и посмотрела на него угрюмо и враждебно. Володе сделалось неловко. Он поскорее ушел в комнаты, не решаясь поднять глаз на унылое Прасковьино лицо.

XXIX

Мама сидела у себя одна. Были сумерки, — и было скучно. Где-то мелькнул свет.

Володя вбежал, оживленный, веселый, с широкими, немного дикими глазами.

— Мама, лампа горит, поиграем немножко.

Мама улыбается и идет за Володею.

— Мама, я придумал новую фигуру, — взволнованно говорит Володя, устанавливая лампу. — Погляди... Вот видишь? Это — степь, покрытая снегом, — и снег идет, мятьель.

Володя поднимает руки и складывает их.

— Теперь, вот видишь, старик прохожий. По колени в снегу. Трудно идти. Один. Чистое поле. Деревня далеко. Он устал, ему холодно, страшно. Он весь согнулся, — старый такой.

Мама поправляет Володины пальцы.

— Ах! — в восторге восклицает Володя, — ветер рвет с него шапку, развеивает волосы, зарывает его в снег. Сугробы все выше. Мама, мама, слышишь?

— Вьюга.

— А он?

— Старик?

— Слышишь, стонет?

— Помогите!

Оба бледные, смотрят они на стену. Володины руки колеблются, — старик падает.

Мама очнулась первая.

— Пора и за дело, — говорит она.

XXX

Утро. Мама дома одна. Погруженная в бессвязные, тоскливые думы, она ходит из комнаты в комнату.

На белой двери обрисовалась ее тень, смутная в рассеянных лучах затуманенного солнца. Мама остановилась у двери и подняла руку широким, странным движением. Тень на двери заколебалась и зашептала о чем-то знакомом и грустном. Странная отрада разлилась в душе Евгении Степановны, и она двигала обеими ру-

ками, стоя перед дверью, улыбалась дикою улыбкою и следила мелькание тени.

Послышались Прасковьины шаги, и Евгения Степановна вспомнила, что она делает нелепое.

Опять ей страшно и тоскливо.

«Надо переменить место, — думает она, — уехать куда-нибудь подальше, где будет новое.

Бежать отсюда, бежать!»

И вдруг вспоминаются ей Володины слова:

— И там будет стена. Везде стена.

«Некуда бежать!»

В отчаянии она ломает бледные, прекрасные руки.

XXXI

Вечер.

В Володиной комнате на полу горит лампа. За нею у стены на полу сидят мама и Володя. Они смотрят на стену и делают руками странные движения.

По стене бегут и зыблются тени.

Володя и мама понимают их. Они улыбаются грустно и говорят друг другу что-то томительное и невозможное. Лица их мирны, и грезы их ясны, — их радость безнадежно печальна, и дико радостна их печаль.

В глазах их светится безумие, блаженное безумие.

Над ними опускается ночь.